

На правах рукописи

БАЖЕНОВА Яна Георгиевна

**МАНИПУЛЯТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ В РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ:
ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ДИАЛОГ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород — 2022

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им.Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор
Радбиль Тимур Беньюминович

Официальные оппоненты:

Соколова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, ФГБУН Институт
языкознания РАН, научно-образовательный центр теории и практики
коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова, старший научный сотрудник;

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кафедра
межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного,
зав. кафедрой

Ведущая организация:

Нижегородский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики”»

Защита состоится 28 апреля 2022 в 14 ч на заседании
диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО
«Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая
Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603022, г. Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23 — и на сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан

2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено сопоставительному анализу моделей манипулятивной коммуникации в естественно-языковом и художественном диалоге на русском языке.

Диалог выступает не просто как базовая форма существования языка, но и, по мнению многих выдающихся философов, писателей, религиозных деятелей, как форма вообще человеческой жизни: «Жизнь по своей природе диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни...» [Бахтин 1986: 324-325].

Проблемы анализа разных сторон диалогической коммуникации находятся в центре исследовательского внимания самых разных направлений гуманитарного знания: диалог изучается в философии, психологии, культурологии, литературоведении и т.д. Большие научные традиции имеет и лингвистическое изучение диалога. В современном отечественном лингвистическом диалоговедении утверждается понимание речевого взаимодействия как дискурса особого типа — диалогического дискурса [Макаров 2003; Борисова И. 2009]. В соответствии с основополагающими нормами общения между людьми развертывание диалогического дискурса должно осуществляться с опорой на принципы коммуникативного сотрудничества. Однако в этой области нередко встречаются и разнообразные нарушения, неосознанные или осознанные, что превращает диалогический дискурс из кооперативного в конфликтный (вербально-агрессивный или манипулятивный). Рассмотрение речевых стратегий, приемов и средств языкового манипулирования в диалоге представляется в наши дни особенно важным в связи с усилением информационного воздействия на общество в целом и его отдельных представителей.

Таким образом, **актуальность исследования** состоит в существенной научной и общекультурной значимости изучения моделей манипулятивной

диалогической коммуникации на русском языковом материале через призму наиболее востребованных в современной науке о языке коммуникативно-прагматического и когнитивно-дискурсивного подходов.

Одной из значимых проблем в современном диалоговедении является соотношение первичной, естественно-языковой диалогической коммуникации и ее вторичных разновидностей, в ряду которых особое место занимает диалог художественный. Художественный диалог имеет свою специфику: с одной стороны, художественная диалогическая речь предполагает обработанность ее автором, т.е. это всегда — отражение письменной формы существования языка, а, с другой стороны, — эта речь необходимо основана на живой разговорной речи, как бы воспроизводит, имитирует ее. Существенные коммуникативно-прагматические особенности художественного диалога в отличие от естественно-языкового как раз связаны с письменным характером первого, что обуславливает его обдуманность и завершенность. Эти его черты противостоят спонтанности и принципиальной открытости диалога естественно-языкового.

Своеобразие коммуникативной и языковой организации художественного диалога максимально ярко проявляется в художественной речи писателя, романы которого «насквозь диалогичны», пронизаны диалогичностью [Бахтин 1979]. Речь идет о Ф.М. Достоевском, «художественная диалогика» которого является основой «полифонизма» как базовой черты его художественно мира. Кроме того, герои Ф.М. Достоевского в своей диалогической речи далеко не всегда ориентируются на коммуникативное сотрудничество: разнообразные манипулятивные стратегии и тактики являются неотъемлемым компонентом речевой характеристики многих персонажей. Указанные соображения позволяют сформулировать объект, предмет, цель и задачи принятого исследования.

Объектом исследования выступают модели манипулятивной диалогической коммуникации в русской речи. Непосредственным **предметом ис-**

следования являются манипулятивные речевые стратегии и техники в естественно-языковом и художественном диалоге на русском языке.

Цель исследования — осуществить сопоставительный анализ моделей манипулятивной коммуникации в естественно-языковом диалоге по данным Национального корпуса русского языка и в художественном диалоге в текстах романов Ф.М. Достоевского.

Поставленная цель предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- осветить современные представления о диалогическом взаимодействии в науке о языке, определить понятийную базу исследования, его основные термины и понятия;

- определить специфику художественного диалога в его соотношении с диалогом естественно-языковым;

- изучить современные подходы к анализу языкового манипулирования применительно к диалогическому взаимодействию людей, существующие методы изучения манипулятивных моделей и на этой основе разработать концепцию исследования;

- охарактеризовать проблему диалога и диалогичности как основы художественного мира Ф.М. Достоевского;

- рассмотреть модели манипулятивной коммуникации и основные приемы «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге по данным Национального корпуса русского языка;

- рассмотреть модели манипулятивной коммуникации и основные приемы «языковой демагогии» в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского;

- осуществить сопоставительную интерпретацию моделей манипулятивной коммуникации и основных приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом и художественном диалогах.

Материал исследования. В соответствии с концепцией исследования материал формируют две группы источников: (1) текстовые данные Нацио-

нального корпуса русского языка; (2) тексты романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы»; тексты романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» в качестве иллюстративного материала к теоретической части исследования.

Объем исследуемого материала. Всего исследовано: около 800 контекстов, извлеченных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка; 564 текстовых фрагментов, содержащих диалоги, из романов Ф.М. Достоевского; 18 текстовых фрагментов из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и комедии А.П. Чехова «Вишневый сад».

Степень изученности проблемы. Диалог естественный и художественный изучается в гуманитарных науках еще со времен античности. Представим современное состояние вопроса. Изучение диалога сегодня является междисциплинарным и опирается на самые передовые идеи когнитивно-дискурсивного и коммуникативно-прагматического подхода к анализу речевого общения. В отечественной науке о языке огромную роль в изучении особенностей диалогического взаимодействия в художественной речи сыграли основополагающие работы М.М. Бахтина, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, М.Б. Борисовой и др. [Борисова М. 1956; Винокур 1959; Бахтин 1979 и 1986; Виноградов 1980]. В современном отечественном языкознании художественный диалог анализируется в работах [Лагутин 1991; Голованева 2013; Садикова 2015; Хисамова 2015; Масленников 2017 и др.]. В настоящее время проблема языкового манипулирования всесторонне рассмотрена в работах таких исследователей, как [Иссерс 1999; Кара-Мурза 2000; Паршин 2000; Пирогова 2002; Чернявская 2006; Баранов 2009 и др.].

Особая роль диалога в художественном мире Ф.М. Достоевского подчеркивается практически всеми исследователями творчества писателя, прежде всего литературоведами и критиками [Бахтин 1979; Хоц 1994; Сараскина 1996; Достоевский 1997; Касаткина 2004; Бадалова 2017 и др.], а также философами, психологами, культурологами и антропологами [Карасев 1994; Ду-

ров, 2000 и др.]. Также эта проблема стала объектом исследовательского внимания лингвистов [Иванчикова 1994; Арутюнова 1999; Слово Достоевского 2001; Словарь языка Достоевского 2001–2003]. Из последних лингвистических работ следует отметить работы [Ашимбаева 2014; Ружицкий 2013, 2015а и 2015б; Романова, Орлова 2018; Шарапова 2018].

Несмотря на значительные научные результаты по заявленной нами проблематике, в интересующем нас ракурсе сопоставительное изучение моделей манипулятивной коммуникации в естественно-языковом и художественном диалоге еще не проводилось.

Новизна исследования, таким образом, состоит во введении в научный оборот нового предмета — моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге и в художественном диалоге Ф.М. Достоевского, анализируемых в сопоставительном аспекте, и нового материала для анализа — диалоги героев пяти романов Ф.М. Достоевского в плане речевой актуализации манипулятивных коммуникативных стратегий.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании, уточнении апробированной на значительном текстовом материале исследовательской модели сопоставительного анализа моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге и в художественном диалоге на русском языке.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применить его результаты в вузовских курсах преподавания общего языкознания, современного русского языка и стилистики, в общих и элективных курсах по лингвистической прагматике, теории коммуникации, дискурс-анализу, анализу художественного текста и языка отдельных писателей. Также результаты исследования могут быть использованы в деятельности практикующих специалистов по медиатексту, рекламе и PR, в лингвоэкспертных исследованиях.

Методологической основой исследования являются теоретические принципы изучения диалогической коммуникации, представленные в работах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Т.Г. Винокур, Н.Ю. Шведовой, Е.В. Падучевой, В.З. Демьянкова, Т. ван Дейка, И.Н. Борисовой, Т.В. Матвеевой и др.; основы анализа художественного диалога, изложенные в трудах М.М. Бахтина, Н.Д. Арутюновой, Е.А. Иванчиковой, Ю.Н. Караулова, К.А. Степаняна, О.Ю. Рождественской и др.; идеи и методы в области исследования языкового манипулирования сознанием И.А. Стернина, С.Г. Кара-Мурзы, А.Н. Баранова, П.Б. Паршина, В.Е. Чернявской, О.С. Иссерс, Т.Б. Радбиля и др.

Методы и методики исследования. В работе использованы методы структурно-семантического описания, функционального анализа, коммуникативно-прагматического анализа, дискурс-анализа, лингвостилистического анализа художественного текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Применение методики сопоставительного анализа моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в естественно-языковом и художественном диалоге позволяет наиболее эффективно выявить общие и различительные черты в реализации указанных моделей и приемов в диалогах первичного и вторичного типов. При этом в качестве образца для исследования художественного диалога необходимо выбирать произведения писателя, в которых диалогичность является текстообразующим и мирообразующим фактором, основой художественной поэтики: в нашем случае выбраны тексты романов Ф.М. Достоевского, полностью соответствующие указанным критериям.

2. Модели манипулятивной коммуникации в естественно-языковом диалоге, в число которых входят речевые стратегии манипулятивного ухода от темы, манипулятивного переспрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания, приводят к разного рода нарушениям принципов

коммуникативного сотрудничества Г.П. Грайса или постулатов вежливости Дж.Н. Лича. Однако манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности (уход от обсуждения неудобной темы, сделанный в тактичной форме перемены темы), при этом ряд признаков манипулятивной коммуникации все же сохраняется.

3. Приемы «языковой демагогии» в естественно-языковом диалоге эксплуатируют общеязыковые механизмы выражения имплицитной информации, порождают языковые отклонения тавтологического, логически противоречивого или алогического типа, что ведет к нарушению принципа кооперации, провоцируя нескритичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

4. Модели манипулятивной коммуникации в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского обнаруживают определенные сходства в ситуациях использования тех или иных манипулятивных стратегий, в их коммуникативной организации и речевого оформления. В то же время в них имеется и специфика использования манипулятивных коммуникативных схем, которая связана с особой ролью диалога в моделировании художественного мира «полифонических» романов писателя. Манипулятивные диалогические техники в зоне ответной реакции, как и другие средства художественного воплощения напряженного взаимодействия «своего» и «чужого слова» в полифоническом повествовании Ф.М. Достоевского, служат инструментом художественного познания личности, ее самораскрытия в процессе непрерывающегося диалога с другими людьми и с миром в целом.

5. Приемы «языковой демагогии» в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского, также при наличии определенного сходства с особенностями их реализации в естественно-языковом диалоге, свидетельствуют о существенном функциональном своеобразии применения приемов «языковой демагогии» в речевом взаимодействии персонажей романов Достоевского, что связано с особенностями художественного мира писателя, в частности —

с изображением разного рода недоговоренности, умолчания в целях сокрытия «больных мест» в сознании героя. Они служат художественным средством раскрытия характера героя в его речи, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя, также играя существенную роль как в самораскрытии характера героя через его речь, так и в саморазоблачении.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию на международных научных конференциях в гг. Москва (МПГУ, 2021 г.; ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021 г.), Нижний Новгород (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019, 2020 и 2021 гг.; НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2015, 2020 и 2021 гг.), Симферополь (2021 г.), Чебоксары (2016 г.); на всероссийской конференции в г. Арзамас (2021 г.). Исследование обсуждалось на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и принятых сокращений, библиографического списка. Общий объем исследования — 203 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** изложены актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая база и методы исследования, положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе исследования «Манипулятивная диалогическая коммуникация в теоретическом освещении»** освещаются основные теоретические проблемы современного диалоговедения (раздел 1.1), особенности диалога в художественном тексте (раздел 1.2), дается характеристика манипулятивной диалогической коммуникации в системе других видов речевого взаимодействия (раздел 1.3). В настоящей работе разграничивается узкое и широкое понимание языковой манипуляции. Согласно узкому пониманию, к

явлениям языкового манипулирования следует относить только такие средства и приемы воздействия, которые обязательно направлены на извлечение говорящим какой-либо выгоды от их применения. В широком понимании под языковым манипулированием можно понимать использование говорящим любых средств непрямого речевого воздействия, которое направлено на сокрытие от адресата истинной цели говорящего, не обязательно в плане получения им выгоды. При этом принцип кооперации и принцип вежливости может не нарушаться. В настоящей работе принято именно такое, широкое понимание языковой манипуляции.

По итогам анализа теории вопроса обосновывается концепция сопоставительного изучения моделей языкового манипулирования в естественно-языковом и художественном диалоге. На предварительном этапе исследования осуществляется сбор материала. На основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и текстов произведений Ф.М. Достоевского формируем, соответственно, два собственных подкорпуса диалогических единств. На первом этапе исследования осуществляется анализ моделей манипулятивной диалогической коммуникации и приемов «языковой демагогии» по данным Национального корпуса русского языка. На втором этапе исследования аналогичный анализ моделей манипулятивной диалогической коммуникации и приемов «языковой демагогии» осуществляется на текстовом материале произведений Ф.М. Достоевского. На завершающем этапе дается сопоставительная интерпретация полученных результатов с учетом интенциональных и функциональных особенностей диалога в художественной речи писателя.

Во второй главе исследования «Модели манипулятивной коммуникации в диалоге естественном и художественном: сопоставительный аспект» представлены результаты комплексного сопоставительного анализа моделей манипулятивной диалогической коммуникации на русском языке, реализованные, с одной стороны, в массиве текстов Национального корпуса русского языка, а с другой стороны — в текстах произведений Ф.М. Достоевского (соответственно, разделы 2.1 и 2.2 настоящей работы).

В разделе 2.1. «Манипулятивная диалогическая коммуникация на русском языке (по данным Национального корпуса русского языка)» осуществлен когнитивно-дискурсивный анализ основных моделей манипулятивной диалогической коммуникации в русской речи. В соответствии с принятой концепцией исследования, сначала рассматриваются манипулятивные механизмы диалогического взаимодействия, порождаемые в зоне адресата, в сфере ответных реакций на инициальные реплики в пределах диалогического единства (подраздел 2.1.1). Далее анализируются приемы «языковой демагогии», которые, как правило, порождаются уже в зоне инициатора речевого взаимодействия, в зоне адресанта, говорящего (подраздел 2.1.2).

Конвенции диалогической коммуникации могут сознательно или бессознательно игнорироваться, нарушаться говорящими. Тогда мы имеем дело с девиациями в области кооперативности диалога как взаимной установки его участников на коммуникативное сотрудничество на каждом из этапов его осуществления [Грайс 1985]. К манипулятивным коммуникативным стратегиям в диалогическом взаимодействии в речевой зоне ответной реакции, освещаемым в подразделе 2.1.1, относятся стратегии манипулятивного ухода от темы, манипулятивного переспрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания и пр.

В стратегиях манипулятивного ухода от неудобной для говорящего темы реализуются разные речевые тактики. Например, в зоне адресата порождается демонстративный ответ не по теме, совсем из другой области, абсолютно не связанный с обсуждаемой темой. В подобных случаях происходит информативное и коммуникативное рассогласование реплик, когда в ответной реплике полностью отсутствует логическая, прагматическая или эмоциональная связность по отношению к инициальной: *В Доме кино вашим покорным слугам улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной празднующейся публики нескольких настоящих кинематографистов. К сожалению, один из них был мосфильмовским дурачком Борисом Б...ком, но это всё-*

таки лучше, чем совсем ничего. Мы поставили ему шампанского, а он в очередной раз сладострастно нахамил нам. // — Чижик, а ты когда-нибудь на лыжи вставал, тянул ноздрями мороз с привкусом спелой кедровой шиши? — всё-таки уточнил я у него. // — Сволота! Все бездари, а я — Сальвадор Дали! — звякнул бусами тот [Иван Охлобыстин. Жизнь Вани Охлобыстина // «Столица», 1997.03.04].

Стратегия манипулятивного переспрашивания заключается в том, что отвечающий отвечает вопросом на вопрос. В подобных случаях мы имеем дело с манипулятивным использованием «стратегии выхода на метауровень», когда вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник оценивает исходное коммуникативное намерение инициатора: — *Ты хочешь сказать, что пользуешься успехом? // — А тебе в конце концов какое до этого дело?* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961].

Стратегия манипулятивного переспрашивания в ряде случаев также имеет специальный метаязыковой маркер типа *Какой такой X*: — *Если же я хочу жизни другой? // — Какой такой ты жизни хочешь? Я слышал, у тебя мать — известная певица в Москве* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]. — В таких случаях внешняя тавтологичность в ответе маскирует неприятие отвечающим затронутой темы или позиции инициатора в целом.

Стратегия манипулятивного перебива используется отвечающим в ситуации обрыва реплики инициатора (проще говоря, отвечающий не дает ему полностью высказать свое сообщение): *Повытягивав шею и поёрзав, он неуверенно спросил: — А ты убежден, что... // — Не убеждён, — без колебаний ответил Игорь Васильевич, оттопыриванием мизинца бросая в бой более крикливого ученика, яростно вцепившегося в шкуру докладчика-медведя* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]. — В данном случае отвечающий реагирует на пропозициональную установку *убежден*, так как саму пропозицию инициатор просто не успел высказать. В результате в общем остается неясным, в чем же так категорично «не убежден» отвечающий.

Стратегия отказа от неудобного вопроса в ответной реплике может вербализоваться указанием на нежелание обсуждать данный вопрос с помощью глаголов *молчать*, *умолчать* в I л., ед. ч.: — *Нужно проверить.* // — *Что за информация?* // — *Я пока **умолчу**, ладно?* — небрежно сказал Трегубов. — *Боюсь сглазить* [А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша (2004)].

Стратегии отказа от ответа на неудобный вопрос часто могут быть выражены в ответной реплике специальными метаязыковыми маркерами типа *Что об этом говорить?*; *(Мы) не будем об этом говорить?* и пр.: — *Марина, а не кажется ли тебе странной бритая наголо девушка из этой группы?* // — *Маша, давай **не будем об этом говорить**: прочтет какой-нибудь бюрократ и на основании ее «лысости» «прикроет» группу. Или поставит условие, немедленно изменить прическу, а то...* [Марина Александрова, Маша Мусина. «Если ты спросишь меня...» // «Работница», 1988]. — В этих случаях, в рамках принципа вежливости, отвечающий, не привлекая к этому внимания инициатора, ненавязчиво избегает обсуждения острой проблемы.

Стратегия манипулятивного подхвата может вводиться формулой «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев 1997]: — *Да, впрочем, что касается науки, я не думаю, что и у науки есть нравственное измерение.* <...> // Гольдберг засмеялся, с боков рта выглянули последние невыпавшие преполяры: // — *Пашка, ты, может, и **прав**, но мне такая правота не подходит.* <...> [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]. — Манипулятивный подхват может сопровождаться «зеркальным» повтором инициальной реплики в ответе, который меняет регистр общения и переводит разговор в удобную для отвечающего тональность: — *Что ты об этом думаешь?* // — ***А что я могу думать?*** [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]. — В таких случаях внешняя неинформативность и бессодержательность ответной реплики на самом деле отражает глубинную когнитивную установку отвечающего — нежелание развивать конфликт, но при этом ни в чем не уступить инициатору диалога. Именно неинформативная тавтологическая избыточность являет-

ся важным когнитивным отличием манипулятивного подхвата от стандартного кооперативного подхвата, который несет новую информацию и служит средством подтверждения или усиления мысли спрашивающего, уточнения позиций коммуникантов и под.

Стратегия умышленной перемены темы не имеет специальных языковых маркеров. В основе некоторых моделей умышленной перемены темы лежит прагматический механизм, основанный на манипулятивной подмене темы исходной реплик на рему в реактивной реплике (или наоборот): — *Привет, — кивнула она, — чего по ночам за покупками бегаешь? // — А ты чего днем не ходишь? — парировала я. Честно говоря, я не слишком-то люблю Ленку, она сплетница и жуткая болтунья* [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]. — В данном примере говорящим в область ремы помещена запрашиваемая информация о ночных походах за покупками, тогда как отвечающий, вместо ответа на вопрос, реагирует вопросом о другом — делает акцент на времени суток (ночь ↔ день).

Несмотря на то, что по большей части проанализированный материал свидетельствует о том, что данные манипулятивные схемы так или иначе нарушают коммуникативное сотрудничество под видом его формального соблюдения, все же далеко не всегда использование адресатом тех или иных манипулятивных техник ведет к нарушению постулатов кооперативного общения, принципа вежливости Дж. Н. Лича [Leech 1983] и под. В ряде случаев, например, манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности (уход от обсуждения неудобной темы, сделанный в тактичной форме перемены темы). Тогда адресату манипуляции не наносится сколько-нибудь значимого коммуникативного ущерба, да и говорящий не извлекает ощутимой выгоды. Однако ряд признаков манипулятивной коммуникации все же сохраняется: это расхождение между эксплицированной иллокутивной силой и действительным намерением говорящего, неосознаваемость воздействия и неучет интересов собеседника («объектное» отношение к собеседнику).

Приемы «языковой демагогии» в русской диалогической речи, рассматриваемые в подразделе 2.1.2, выделяются на основе работы Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева. Под «языковой демагогией» понимаются «приемы непрямого воздействия на слушающего или читателя, когда идеи, которые необходимо внушить ему, не высказываются прямо, а навязываются ему исподволь путем использования возможностей, предоставляемых языковыми механизмами» [Булыгина, Шмелев 1997: 461]. Авторы выделяют семь приемов: (1) ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию; (2) воздействие при помощи речевых импликатур; (3) возражение под видом согласия; (4) противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности; (5) игра на референциальной неоднозначности; (6) использование манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*; (7) «магия слова». Манипулятивность указанных приемов состоит в том, что речевое воздействие на адресата осуществляется не прямо «в лоб», а замаскированно.

I. Прием использования **ассерции, маскирующейся под пресуппозицию**, состоит в том, что информация, которую надо незаметно внушить адресату, подается под видом пресуппозиции [Булыгина, Шмелев 1997: 472]. В научной литературе по лингвистической прагматике обычно выделяют два вида пресуппозиций: **семантические**, которые облигаторно имплицируются из значений слов и выражений в качестве необходимого условия их осмысленности, и **прагматические**, которые понимаются коммуникантами по умолчанию, которые извлекаются ими из ситуации общения или общего фонда знаний о мире, будучи информацией либо общеизвестной, либо не стоящей внимания [Падучева 1982: 305–307].

Примером навязывания семантической пресуппозиции является следующий фрагмент из интервью: — *На ваш взгляд, в чем состоит главная причина такого огромного потока неконтролируемой миграции?* // — *Такое количество мигрантов (300 тысяч. — Прим. авт.), безусловно, не соответствует действительности, так как, только по экспертным оценкам, например, киргизской стороны, не менее 500 тысяч жителей Киргизии свя-*

зывают свои заработки с Россией [Олег Головин. Нелегалы // «Завтра», 2003.03.02]. — В этом примере в вопросе о причинах указанного явления уже заложена пресуппозиция 'имеется большой поток неконтролируемой миграции', которая обладает свойством неустранимости и неотрицаемости при возможном отрицательном ответе [Падучева 1982; Радбиль 2017].

При навязывании прагматической пресуппозиции так или иначе обыгрывается общеизвестная или известная обоим коммуникантам информация, которую они по тем или иным причинам избегают озвучивать: — *Собирайся. // — Ку-да? — // Сам знаешь. // Только вздохнул капитан да крикнул* [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]. — Здесь говорящими эксплуатируется фигура умолчания по поводу известного обоим не очень приятного места (органы НКВД), по поводу которого ведется обмен репликами. Очень часто при этом коммуниканты ссылаются на известные им обоим обстоятельства, но не вербализуют их содержание: — *Кого бы ты хотел играть? // — Разве ты не знаешь, кого!* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]. — «Демагогичность» подобных стратегий отказа от конкретизации запрашиваемой в вопросе информации состоит в том, что собеседник по тем или иным причинам не хочет брать на себя ответственность за свои речевые действия, перекладывая ее на плечи спрашивающего.

II. Прием **воздействия при помощи речевых импликатур** является разновидностью более общей манипулятивной стратегии, которая иногда именуется в научной литературе как «подведение к ложному умозаключению» [Иссерс 1999]. Речь идет о наведении в контексте нестрогих умозаключений, которые не входят собственно в смысл предложения, но «вычитываются» в нем адресатом в контексте речевого акта с опорой на постулаты речевого общения. Часто этот прием основывается на небуквальном прочтении фраз, которые, будучи восприняты буквально, имели бы внутренне противоречивый или тавтологический смысл, т.е. были бы бессодержательными: — *Не сердитесь, Ольга Петровна, как вы себя чувствуете, кстати?* — *пошел на попятную Израиль Ильич. // — Как я могу себя чувствовать?* — *махну-*

ла рукой Ольга Петровна [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)]. — Отвечающий уходит от прямого ответа. Вместо этого спрашивающему навязывается необходимость небуквальной интерпретации в нужном для отвечающего ключе, а именно импликатура 'Вы и сами должны понимать, что в известных вам обстоятельствах я не могу чувствовать себя хорошо'. Манипулятивность данного приема заключается в том, что прямой ответ мог бы обидеть спрашивающего, так как выглядел бы как упрек. Но в данном случае спрашивающий как бы сам должен вывести эту информацию, а значит, ответственность с отвечающего снимается.

III. Демагогический прием **возражения под видом согласия** заключается в том, что «говорящий как будто соглашается с мыслью, высказанной оппонентом, но тут же приводит соображение, сводящее на нет возможные выводы из этой мысли» [Булыгина, Шмелев 1997: 464]. Чаще всего говорящим в этих случаях используются когнитивные схемы типа «Да, но...»; «Действительно, но...» и под.: — *А как быть с ухудшением вентиляции помещения? // — С этой проблемой мы действительно столкнулись, но уже есть предложения, которые позволяют её решить* [Михаил Песин. Дом, который построит «Дом» // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.10.14]. — Фигура противопоставления дает отвечающему высказать возражение в неявном виде, даже не давая спрашивающему толком понять, что с ним не соглашаются — ему возражают.

IV. Демагогический прием **противопоставления «видимой» и «подлинной» реальности** опирается на «апелляцию к объективной реальности», которую говорящий осуществляет посредством метаязыковых операторов *на самом деле, в самом деле, в действительности* и под.: — *Парня этого посадили, родственники его дали мне корову и тёлку вместо буйволицы, и власть, как видишь, до сих пор стоит, и сносу ей не видать. // — Не говори, — подтвердил один из его спутников, — на вид-то они простецкие, а на самом деле свой расчёт имеют...* [Фазиль Искандер. Бедный демагог (1969)]. — Манипулятивность приема заключается в том, что, употребляя эти выражения,

эксплицитная семантика которых ориентирует слушающего на идею соответствия сказанного говорящим объективной реальности, говорящий на самом деле выражает свою, подчас спорную точку зрения, далекую от объективности, но нужную ему в каких-то целях: «в основе такой апелляции лежит имплицитное представление о «мнимой», «кажущейся» реальности, скрывающей за собою «подлинную», «настоящую» реальность (при этом говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность)» [Булыгина, Шмелев 1997: 468].

V. **Игра на референциальной неоднозначности** заключается в том, что говорящий намеренно в контексте нейтрализует две возможных противоположных интерпретации в зоне адресата по поводу того, имеется ли в виду определенный конкретный референт, или референт неопределенный / обобщенный (это различие в артиклевых языках типа английского маркируется артиклями *a* и *the*: в таком случае, использование подобного механизма манипуляции затруднено): — *Вы можете видеть эту розовую Натали,* — сказал Марест, — *у ее тетки, графини Строгановой, в Сен-Жермене, так как, по-видимому, все ваши вопросы о русских офицерах маскируют любопытство иного рода.* // — *Марест всюду ищет женщину,* — ответил Бейль. // — *Ну, кажется, на этот раз женщину нашли вы,* — ответил Марест [А. К. Виноградов. Три цвета времени (1931)], — Мы видим, что в речевой зоне Бейля в выражении *искать женщину* слово **женщина** использовано в универсальном нереферентном употреблении (любую, всякую женщину) [Падучева 1985], а в зоне Мареста в выражении *женщину нашли вы* эта лексема использована в конкретно-референтном употреблении (конкретная женщина, известная и говорящему и слушающему, которой имеет в виду говорящий).

VI. Демагогический прием **использования манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*** определяется в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева как «переинтерпретация чужих воззрений или высказываний в соответствии со своими исходными посылками» [Булыгина, Шмелев 1997: 472]: — *Да, так вот, если следовательно не спосо-*

бен понять всего этого, ему у нас делать нечего, пусть идёт в милицию. Там всегда нужда в честных и исполнительных. А нам нужны **творцы**. // — **Так, значит, следовательно — творец?** — спросила она [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]. — В подобных случаях вместо информации, требуемой по логике продолжения диалога, собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога, в результате чего значение слова изменяется в нужно говорящему ключе.

VII. Демагогический прием, условно именуемый «**магия слова**» «состоит в употреблении выражений, эмоционально воздействующих на адресата речи, хотя несложный анализ демонстрирует их полную логическую несостоятельность. При этом с точки зрения здравого смысла используемые говорящим высказывания часто бывают тавтологичны, алогичны, бессмысленны или внутренне противоречивы, но этот факт не осознается адресатом, завожженным речевой «красивостью». В этом случае часто используется прием **амплификации** — нагромождения в высказывании слов одной эмоционально-оценочной тональности, избыточное использование образных средств, которые отвлекают адресата от сути.: — *Две тысячи лет назад один чувак сказал: придет дьявол и будет он лицом прекрасен. Красота — последняя идеология, которая осталась человечеству. Живи красиво, купи красивое, носи красивое, отдыхай красиво — и всего добьешься в жизни. Красота — тот крысолов из города (тут он назвал какой-то город, не помню), который приведет нас всех к пропасти.* // — *Красота погубит мир,* — вспомнила я слова Мутищева [А. И. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну (окончание) // «Волга», 2009]. — Здесь нагромождение лексем *красивый* и однокоренных слов как бы маскирует истинную «дьявольскую» суть излагаемой информации, отвлекает от нее внимание адресата.

В целом проведенный анализ показал, что все рассмотренные приемы языкового манипулирования объединяет то обстоятельство, что они так или иначе нарушают принцип кооперации Г.П. Грайса [Грайс 1985: 217–237], провоцируя некритичность восприятия адресатом навязываемых ему мнений,

которые «подаются как данность, обсуждать и тем более отрицать которую просто глупо» [Булыгина, Шмелев 1997:477]. Иными словами, адресату во всех этих случаях достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

В разделе 2.2. «Манипулятивная диалогическая коммуникации в художественной речи Ф.М. Достоевского» рассматриваются общие проблемы изучения гуманитаристикой диалога и диалогичности в художественном мире Ф.М. Достоевского (подраздел 2.2.1) и анализируются модели манипулятивного диалогического взаимодействия и приемы «языковой демагогии» в диалогической речи персонажей Ф.М. Достоевского (соответственно, подразделы 2.2.2 и 2.2.3). В качестве материала для исследования используются тексты романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

В подразделе 2.2.1 показано, как создается своеобразный «полифонический», многоголосый, внутренне противоречивый художественный мир Ф.М. Достоевского. Мы выявили, что манипулятивные диалогические техники, вложенные автором в уста его героев, играют в этом немалую роль. Помимо традиционных, характерологической и сюжетообразующей художественных функций, некооперативная диалогическая коммуникация в романах Ф.М. Достоевского (как и диалоги персонажей в целом) выполняет и специфическую «идеологическую функцию» (М.М. Бахтин) — функцию напряженного самопознания и самовыражения героя, максимального раскрытия его ценностной и идеологической позиции в мире, ее утверждения в противостоянии с альтернативными ей точками зрения. А все это возможно, по мысли Ф.М. Достоевского, только в напряженном непрекращающемся диалоге героев друг с другом, а через них — в диалоге автора и читателя.

Анализируя модели манипулятивных речевых стратегий в художественном диалоге героев Ф.М. Достоевского в подразделе 2.2.2, мы выявили специфику использования манипулятивных коммуникативных схем в диалогах героев Ф.М. Достоевского, которая связана с особой ролью диалога в мо-

делировании художественного мира его «полифонических» романов, а именно — в формировании такой черты поэтики писателя, как «диалог умолчаний», когда основная смысловая нагрузка в диалогах лежит на том, что не сказано, на том, что скрыто.

Вот знаменитый пример «диалога умолчаний» из сцены объяснения Лизы и Николая Ставрогина в романе «Бесы», когда беседа героев крутится вокруг темы убийства Марьи Тимофеевны и Игната Лебядкиных, но никто не смеет сказать это вслух: .— *Твои слова, этот смех, вот уже час, насылают на меня холод ужаса. Это «счастье», о котором ты так неистово говоришь, стоит мне... всего. Разве я могу теперь потерять тебя? Клянусь, я любил тебя вчера меньше. Зачем же ты у меня всё отнимаешь сегодня? Знаешь ли ты, чего она стоила мне, эта новая надежда? Я жизнью за нее заплатил.* // — *Своею или чужой?* // Он быстро приподнялся. // — *Что это значит?* — проговорил он, неподвижно смотря на нее. // — *Своею или моею жизнью заплатили, вот что я хотела спросить. Или вы совсем теперь понимать перестали?* — вспыхнула Лиза. — *Чего вы так вдруг вскочили? Зачем на меня смотрите с таким видом? Вы меня пугаете. Чего вы всё боитесь? Я уж давно заметила, что вы боитесь, именно теперь, именно сейчас... Господи, как вы бледнеете!* // — *Если ты что-нибудь знаешь, Лиза, то клянусь, я не знаю... и вовсе не о ТОМ сейчас говорил, говоря, что жизнью заплатил...* // — *Я вас совсем не понимаю,* — проговорила она, боязливо запинаясь [ССД-VIII, «Бесы»].

Далее на материале художественных диалогов героев Достоевского в подразделе 2.2.3 были рассмотрены семь приемов «языковой демагогии». Так, в диалогах героев Ф.М. Достоевского своеобразно используется прием навязывания ложной пресуппозиции. Часто — посредством риторической уловки «чтение в сердцах», когда инициатор диалога априорно утверждает о том, что он знает, что собеседник знает, думает, или чувствует, тем самым навязывая собеседнику точку зрения, которую он, возможно, и не разделяет — ср. диалог Настасьи Филипповны и Аглаи в романе «Идиот»: *Наконец, она*

твердо и прямо поглядела в глаза Настасьи Филипповны и тотчас же ясно прочла все, что сверкало в озлобившемся взгляде ее соперницы. Женщина поняла женичину; Аглая вздрогнула. // — **Вы, конечно, знаете, зачем я вас приглашала,** — выговорила она наконец, но очень тихо и даже остановившись раза два на этой коротенькой фразе. // — Нет, ничего не знаю, — ответила Настасья Филипповна, сухо и отрывисто [ССД-VI, «Идиот»].

Были сделаны выводы о функциональном своеобразии применения приемов «языковой демагогии» в речевом взаимодействии персонажей романов Достоевского, что связано с особенностями поэтики писателя, в частности — с характерологическими функциями недоговоренности, умолчания, сокрытия «больных мест» в сознании героя.

Часто в диалогах героев Достоевского опущение значимой для обоих собеседников, известной им информации в область прагматической пресуппозиции создает между ними напряжение, конфликтную ситуацию, как это можно видеть в фрагменте диалога генерала Епанчина и Гани Иволгина в романе «Бесы» (на тему обещания Гани жениться на Настасье Филипповне как содержания пресуппозиции): <...> *Генерал пристально рассматривал Ганю; смущение Гани ему видимо не нравилось. // — Вспомните, Иван Федорович, — сказал тревожливо и колеблясь Ганя, — что ведь она дала мне полную свободу решенья до тех самых пор, пока не решит сама дела, да и тогда все еще мое слово за мной... // — **Так разве ты... так разве ты...** — испугался вдруг генерал. // — Я ничего. // — **Помилуй, что же ты с нами-то хочешь делать?** // — Я ведь не отказываюсь. Я, может быть, не так выразился... // — **Еще бы ты-то отказывал!** — с досадой проговорил генерал, не желая даже и сдерживать досады. — Тут, брат, дело уж не в том, что ты не отказываешься, а дело в твоей готовности, в удовольствии, в радости, с которою примешь ее слова... <...> [ССД-VI, «Идиот»]. — Мы видим, как диалог «вертится» вокруг неудобной для обоих говорящих темы, которую они не могут вербализовать — в полном соответствии с концепцией О. Меерсон об «идиосинкразических» местах в сознании героев [Меерсон*

2009], и на фоне этого нарастает конфликтная ситуация, которая как бы «упрятана» в невербализованной области их диалогического взаимодействия.

Также использование приемов «языковой демагогии» в художественной речи Достоевского играет существенную роль в реализации так называемой речевой стратегии «самооправдания», к которой часто прибегают герои-манипуляторы в романах Ф.М. Достоевского, чтобы скрыть какой-то неблагоприятный поступок. Ср., например, фрагмент полилога в романе «Идиот», с участием Лизаветы Прокофьевны Епанчиной, князя Мышкина, Лебедева, Келлера, Ипполита и др.: <...> — *Единственно из благородства, — громко и звонко заговорил вдруг подскочивший Келлер, обращаясь прямо к Лизавете Прокофьевне, — единственно из благородства, сударыня, и чтобы не выдать скомпрометированного приятеля, я давеча утаил о поправках, не смотря на то, что он же нас с лестницы спустить предлагал, как сами изволили слышать. Для восстановления истины признаюсь, что я действительно обратился к нему, за шесть целковых, но отнюдь не для слога, а собственно для узнания фактов, мне большею частью неизвестных, как к компетентному лицу. Насчет штиблетов, насчет аппетита у швейцарского профессора, насчет пятидесяти рублей вместо двухсот пятидесяти, одним словом, вся эта группировка, все это принадлежит ему за шесть целковых, но слог не поправляли. //* — Я должен заметить, — с лихорадочным нетерпением и каким-то ползучим голосом перебил его Лебедев, при распространявшемся все более и более смехе, — что я поправлял одну только первую половину статьи, но так как в середине мы не сошлись и за одну мысль поссорились, то я вторую половину уж и не поправлял-с, так что все что там безграмотно (а там безграмотно!), так уж это мне не приписывать-с... // — Вот он о чем хлопочет! — вскричала Лизавета Прокофьевна <...> [ССД-VI, «Идиот»]. — Нетрудно видеть, что данный прием содержится в речевой зоне Келлера, вся пространная реплика которого строится как прием саморазоблачения героя.

«Магия слова» — один из самых частых демагогических приемов в диалогах Достоевского, поскольку этот прием выполняет характерологическую функцию в поэтике писателя. В произведениях Ф.М. Достоевского имеется целая галерея персонажей-демагогов, манипуляторов или бескорыстных врунов, которые за цветистостью речи прячут низменные помыслы или душевное убожество (Игнат Лебядкин в романе «Бесы», Лебедев и генерал Иволгин в романе «Идиот», Федор Павлович Карамазов в романе «Братья Карамазовы» и пр.).

Рассмотрим пример диалога капитана Лебядкина и Варвары Петровны в романе «Бесы»: — **Сударыня!** — *взревел он вдруг, — **позволите ли сделать вам один вопрос, только один, но открыто, прямо, по-русски, от души?*** // — *Сделайте одолжение.* // — **Страдали вы, сударыня, в жизни?** // — *Вы просто хотите сказать, что от кого-нибудь страдали или страдаете.* // — **Сударыня, сударыня!** — *вскочил он вдруг опять, вероятно и не замечая того и ударяя себя в грудь, — **здесь, в этом сердце, накопело столько, столько, что удивится сам бог, когда обнаружится на Страшном суде!*** // — *Гм, сильно сказано.* // — **Сударыня, я, может быть, говорю языком раздражительным...** // — *Не беспокойтесь, я сама знаю, когда вас надо будет остановить.* // — *Могу ли предложить вам еще вопрос, сударыня?* // — *Предложите еще вопрос.* // — **Можно ли умереть единственно от благородства своей души?** // — *Не знаю, не задавала себе такого вопроса.* // — **Не знаете! Не задавали себе такого вопроса!!** — *прокричал он с патетической иронией. — **А коли так, коли так: «Молчи, безнадежное сердце!»*** — *и он неистово стукнул себя в грудь [ССД-VIII, «Бесы»].* — Здесь собеседник, замороженный патетическими и романтическими оборотами «высокого стиля», просто не может взять в толк, о чем, собственно, идет речь. Капитан Лебядкин хочет показать свою значительность в высшем свете, будучи на самом деле пьяницей, трусом и бездельником.

В результате сопоставления моделей манипулятивного взаимодействия в диалогах естественных и художественных диалогах героев Ф.М. Достоев-

ского мы пришли к следующим выводам. Анализ моделей манипулятивной коммуникации и приемов «языковой демагогии» в диалогах героев Достоевского выявил определенные сходства в ситуациях использования тех или иных манипулятивных стратегий, в их коммуникативной организации и речевого оформления. В то же время была обнаружена и специфика использования манипулятивных коммуникативных схем в диалогах героев Ф.М. Достоевского, которая связана с особой ролью диалога в моделировании художественного мира его «полифонических» романов.

Все манипулятивные модели в диалогах героев Достоевского имеют значительную художественную нагрузку, играя существенную роль в самораскрытии внутреннего мира героя через его речь, а иногда — и в его саморазоблачении, когда персонаж незаметно для себя обнажает тайники своей души или, напротив, сознательно пытается скрыть от окружающих неудобную для него информацию о своих поступках. При этом манипулятивные техники используются не только в некооперативных целях, но и в режиме фатической коммуникации, в плане реализации принципа вежливости, максимы тактичности. В целом герои Достоевского постоянно, в напряженном противостоянии друг с другом, ищут истину, правду — о себе и о других. В столкновении разных «правд», разных «голосов» и проявляется полифонизм романов Ф.М. Достоевского как ведущая черта поэтики писателя.

В **заключении** изложены основные результаты исследования и его дальнейшие перспективы, которые связаны с возможной конкретизацией и детализацией каталога манипулятивных техник и особенностей их функционирования применительно к изучению специфики языкового манипулирования в медийном, политическом и рекламном дискурсах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Баженова Я.Г. Аутокогниция как результат диалоговой коммуникации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2017. № 1. С. 9–13. (0,6 п.л.)

2. Баженова Я.Г. Манипулятивные речевые стратегии в диалогической коммуникации на русском языке: когнитивно-дискурсивный аспект //

Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3 (46): Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. С. 300-303. (0,3 п.л.)

3. Баженова Я.Г. Приемы «языковой демагогии» в русской речи: опыт комплексного исследования манипулятивной диалогической коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 5. С. 179-184. (0,8 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

4. Баженова Я.Г. Диалоговый подход в образовательном процессе как способ рефлексивного взаимодействия и смыслопорождения // Общие вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. С. 3–7. (0,3 п.л.)

5. Баженова Я.Г. Диалоговый подход в обучении иностранному языку и русскому языку как иностранному // Филологический аспект. 2017. №4 (24). С. 124–130. (0,45 п.л.)

6. Баженова Я.Г. Стратегия DE RE в моделях коммуникативной диалогической коммуникации на русском языке // С любовью к Слову: сб. статей участников Всероссийской с международным участием научн. конф., приуроченной к 80-летию юбилею докт. филол. наук, проф. Л.А. Климовой / отв. ред. О.В. Никифорова; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С. 359–363. (0,45 п.л.)

7. Баженова Я.Г. Возражение под видом согласия и противопоставление «видимой» и «подлинной» реальности как приемы «языковой демагогии» в русской диалогической речи // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.) / Отв. ред. Е. Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. Том 2. С. 174–179. (0,3 п.л.)

8. Баженова Я.Г. Игра на референциальной неоднозначности в числе приемов манипулятивного речевого взаимодействия в русском диалогическом дискурсе // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXII Кирилло-Мефодиевские чтения: Мат-лы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Костомаровского форума (Москва, 26 мая 2021 года)) / гл. ред. М.Н. Русецкая. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. С. 35–41. (0,4 п.л.)

9. Баженова Я.Г. Диалоговый подход в обучении иностранному языку // Современное общество, образование и наука: сб. научн. трудов по мат-лам Междун. научн.-пр. конф. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. Часть 2. С. 23–26. (0,25 п.л.)

Подписано в печать 07.02.2022 г. Формат 60'84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1. Заказ № 568. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37